

Радеев А.А.

2/8 88

Сов. Россия - 1988
20к5

История одной переписки

Из писем А. А. Фадеева А. Ф. Колесниковой

«В душе все та же нежность...»

Зимой 1915/16 года на одном из вечеров в коммерческом училище состоялась памятная встреча юного Саши Фадеева с Асей Колесниковой, жившей в одном с ним дворе на Комаровской улице во Владивостоке. Фадеев безошибочно угадал природную одаренность Аси Колесниковой. Талантливы были морские пейзажи, зарисованные гимназисткой. А как любил Фадеев в воспоминаниях о юности переноситься в маленькую гостиную знакомого и дорогого ему дома и слушать, как поет Ася! Но не только музыка звучала во время тех вечеров, там бурно обсуждались произведения Добролюбова, Чернышевского, политические события предреволюционных лет.

После исключения Саши Фадеева и его друзей по обществу «Коммуна» из коммерческого училища Ася организовала забастовку учениц своей гимназии в поддержку исключенных. Это событие взбудоражило общественность Владивостока. Исклученные бунтари продолжили свое образование в училище.

Вскоре многие члены «Коммуны», в том числе и Александр Фадеев, ушли в партизаны. Настало бурное, клочковое время гражданской войны...

Лишь в 1949 году, спустя тридцать лет, скромная учительница Ася Колесникова, преподающая русский язык в одной из школ Спасска-Дальнего, написала Александру Фадееву. Знаменитый писатель ответил немедленно:

«Вы — моя милая юность...» Завязалась переписка.

За эти годы каждый из них прожил свою интересную насыщенную жизнь. Имя Фадеева стало известно всей стране. Александра Колесникова вступила в партию, за доблестный труд в годы войны была награждена медалью, к которой потом прибавились ордена «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени. Воспитала сына Льва, ставшего летчиком-истребителем.

Первая их встреча после долгой разлуки произошла в 1950 году в Москве.

Потом Ася Колесникова уехала домой, в Спасск-Дальний, и стала получать от Фадеева длинные письма: «Если бы Вы знали, как хорошо мне вместе с Вами идти по нашей юности!...»

Их последняя встреча произошла в Москве в июле 1954 года.

До конца своих дней Фадеев дорожил дружбой с А. Ф. Колесниковой.

После смерти писателя Александра Филипповна решила: письма Фадеева принадлежат не ей одной. Приехала в Москву. Работники Института мировой литературы имени Горького ошеломленно смотрели на принесенную пачку фадеевских писем...

«...Так мы стояли долго-долго, согревая друг друга, и молчали. Над заливом, от пены и от более открытого пространства неба, было светлее, мы смотрели на ревущие волны, на тем-

ные тучи, несущиеся по небу, и какой-то очень смутный по мысли, но необыкновенно пронзительный по чувству голос тогда говорил мне: «Вот скоро и конец нашему счастью, нашей юности, куда-то развеет нас судьба по этому огромному миру, такому неуютному, холодному, как эта ночь с ревущими волнами, воющим ветром и бегущими по небу темными рваными тучами?» На душе у меня было тревожно в самом грозном смысле этого слова, и в то же время где-то тоненько-тоненько пела протяжная нотка, и грустно было до слез...»

«...Как это вполне естественно бывает с мальчиками и девочками, мы с Вами, как одноклассники, развивались неравномерно. Вы были уже, в сущности, девушка, а я еще мальчик. И, конечно, Вам трудно было увлечься этим тогда еще не вышедшим ростом и без всякого намека на усы умненьким мальчиком с большими ушами. Но если бы Вы знали, какие страсти бушевали в моей душе!...»

«...Четырехлетняя любовь к Вам — с отроческих лет до юношеского возмужания — не могла быть случайной. Она означала, что было в Вашем внешнем и внутреннем облике что-то необыкновенно покорявшее меня и, очевидно, очень мне необходимое.

...Никто не подбрасывал смолья в мой костер, но он горел уже так долго, что мне трудно было жить без его

тепла, и надежды становились все менее реальными, но, видно, я все-таки очень любил Вас, и в той жестокой борьбе, в которую мы все больше втягивались, эта любовь была нужна мне, как платок «прекрасной дамы» на рыцарский шлем...»

«...Я сильно и непосредственно любил Вас, не думая о причинах возникновения и о последствиях этой любви. И так же непосредственно, по естественному ходу жизни, любовь моя ушла. Я не мог тогда думать, как отразится это на всей моей последующей жизни. А это отразилось на моей жизни, как Вы потом увидите, очень сильно и отразилось печально для меня, потому что я утратил одну из самых больших и самых естественных (возникших из самой жизни!) возможностей личного счастья — может быть, единственную возможность!»

Да, в юности часто кажется, что тебя еще многое-многое ждет, а между тем истинная большая любовь — редкость, она неповторима, утрата ее часто невознаградима совсем.

«...Когда люди сходятся, уже перевадив самую молодую и счастливую — длительную, от 17 до 37 (двадцать лет большого полного физического расцвета!) — пору жизни... прожив свою молодую пору совершенно порознь, прожив ее с другими, другим отдав многие силы своей души, лишённые

общих молодых воспоминаний, — многое-многое в их жизни уже невозвратимо, неповторимо, невоспроизводимо. В их поздней любви свои большие радости».

«...Не удивляйтесь, мой умный, скромный, независимый и беззаветно преданный своему делу дружок, если я скажу, как мне было бы приятно, что люди вокруг Вас знают о нашей дружбе, и как мне хотелось бы именно через Вас делать что-то полезное и радостное для людей, с которыми вместе Вы работаете. Мне было бы это приятно... Я думаю, что Вы, наверное, отличный товарищ, и как бы мне хотелось, чтобы я мог в чем-то глубоко жизненном, конкретном и практическом быть через Вас таким же товарищем по отношению к тем, кто Вас окружает».

«...Дружба наша, опирающаяся на такие воспоминания, вернее сказать — на такие переживания юности нашей, которые кроме нас с тобой, единственно оставшихся от «стаи славных», уже никто больше не может с нами и разделить. — все что мы вновь пережили за эти годы, когда нашли друг друга, все это вместе взятое уже не может ни измениться, ни пошатнуться до тех самых пор, пока не уйдет из жизни кто-либо из нас или оба вместе...»

«...Ваш талант проявляется «рассе-

янно» — во всей Вашей жизни и деятельности, во всем, чему Вы предаетесь, — в любви к природе, к художественным занятиям в простом жизненном обаянии, чувствуемом любым человеком с живым сердцем среди окружающих Вас людей, в Вашей работе учительницы, где Ваше талантливое сердце и ум, преодолевая рутину, все время находят и вкладывают что-нибудь свое, — наконец, в Вашем сыне, который по своему духовному облику целиком Ваш продукт, и его естественность, непосредственность, прямота и тоже талантливость — это от Вас».

«...Это бывает в награду от бога — навсегда осталась в сердце эта нежность к Вам, и, когда я закрою глаза и каким-то волшебством вдруг представлю себя тем мальчиком, я ощущаю эту нежность в душе совершенно так же, как тогдашнее солнце на веках (когда лежишь в купальне, например) или как запах цветов, травы, листьев тех лет. Во всяком случае, я благодарен жизни за эту юность с Вашим присутствием: все-таки она, эта юность, выросла не на пустыре, а рядом с ней росла, цвела сирень (а может быть, жасмин, если Вам больше нравится), нежный запах которой я запомнил навечно».

(1949—1950 годы).
Публикацию подготовила
Т. ЛОМАКИНА.